

Серия
«Антология мысли»

1907—1944

А. А. Керсновский

ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ

**Книга доступна в электронной библиотеке biblio-online.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»**

Москва ■ Юрайт ■ 2019

УДК 355
ББК 68
К36

Автор:

Керсновский Антон Антонович (1907—1944) — публицист, военный историк.

Керсновский, А. А.

К36 Философия войны / А. А. Керсновский. — Москва : Издательство Юрайт, 2019. — 105 с. — (Серия : Антология мысли).

ISBN 978-5-534-11241-2

Представленный труд отечественного мыслителя А. А. Керсновского, бывшего монархистом по убеждению и воевавшего в Добровольческой Армии во время Гражданской войны, рассматривает множество аспектов как ведения войны, так и устройства армии, но особое внимание уделяется духовно-нравственной стороне, морали солдат и личным качествам командиров. Параллельно проводится анализ тактических ошибок командиров Белой армии.

Для обучающихся по историческому направлению, преподавателей и всех интересующихся.

УДК 355
ББК 68

Оглавление

Предисловие	7
Часть первая. О природе войны	9
Глава I. Война и христианская мораль	9
Глава II. Понятие «справедливости» и цели войны	12
Глава III. Война и мир	16
Глава IV. О разоружении	19
Глава V. Природа военного дела. Военное искусство и военная наука	24
Часть вторая. Об элементах войны	30
Глава VI. Политика и стратегия	30
Глава VII. Стратегия, оператика и тактика	38
Глава VIII. Тактика и техника	48
Глава IX. Пуля и штык	51
Часть третья. О ведении войны	59
Глава X. Принципы ведения войны. Глазомер, быстрота, натиск	59
Глава XI. О коалиционной войне	60
Часть четвертая. О военном человеке	62
Глава XII. Качества военного человека	62
Глава XIII. Военная этика и воинская этика	68
Глава XIV. Ум и воля	73
Глава XV. О полководце	77
Глава XVI. О штабе	80
Часть пятая. О вооруженной силе	83
Глава XVII. Армия, флот, авиация	83
Глава XVIII. Армия в государстве	84
Глава XIX. О военном потенциале	88
Глава XX. Фронт и тыл	90
Глава XXI. Общественное мнение и руководство им	93

Часть шестая. О доктрине.....	98
Глава XXII. О доктрине национальной и доктрине военной	98
Глава XXIII. Русская национальная военная доктрина	100
Новые издания по дисциплине «Конфликтология» и смежным дисциплинам	104

Предисловие

Строки эти представляют посильную и потому скромную лепту в наше общее великое дело — возрождение нашей национальной доктрины, а тем самым и военной доктрины, составляющей одно нераздельное целое с национальной, — одну из многочисленных ее граней.

Со смерти Суворова русская военная мысль вдохновлялась исключительно иностранными образцами. Поэтому ее работу и можно уподобить работе машины, поставленной на холостой ход. Семена, дающие урожай в бранденбургских песках, на русском черноземе дают лишь плевелы. Суворов был поэтому нами понят еще меньше, чем Наполеон — французами. «Науку побеждать» мы читали глазами, а не духовными очами, — весь ее неизреченный духовный смысл остался для нас сокровенным. Умами всецело овладел величайший из варваров — Клаузевиц — его рационалистические теории совершенно заслонили дух православной русской культуры, создавшей «Науку побеждать».

Увлекаясь иностранщиной, мы недооценили Суворова. «Суздальское учреждение» до нас не дошло — «Наука побеждать» дошла лишь чудом. Мы проглядели величайший синтетический ум Румянцева. Сочинения его — «Примечания военные и политические» и «Мысли об устройстве воинской части» — так и не были никогда изданы.

Они, должно быть, уже совершенно истлели (если только вообще не погибли) в киевском архиве, куда их свалили по смерти Задунайского благодарные россияне. И наследие этого наиболее всестороннего военного и государственного русского гения осталось совершенно неиспользованным. В то же время с благоговением переводилась и тщательно изучалась всякая макулатура, коль скоро она имела иностранное клеймо, особенно же штамп германского «большого генерального штаба».

Рационализм и материализм засорили русскую военную мысль задолго еще до того, как были возведены в степень

обязательного догмата большевиками. Духовность — а вслед за духовностью и дух представителей русской военной мысли были угашены.

Столетие бессмертных побед и полтора столетия лет громкой славы сменились поражением в Восточную войну, трудной победой 1878 года, разгромом в Японскую, Великую, Гражданскую. Угашенный дух мстил за себя, мстил за Румянцева, мстил за Суворова...

Величественное здание Русской Национальной Военной Доктрины стоит с 1800 года незаконченным. Туда нам давно надлежало бы перейти с тех чужих задворков, где мы ютимся уже в продолжение нескольких поколений. Суворов из своей могилы приказывает всем нам его закончить, приказывает вспомнить, что мы Русские и что с нами Бог.

На достройку и отделку этого величественного здания и должны быть устремлены все наши дружные усилия. И — как на памятник в Галлиполи — каждый должен принести на него свой камень.

Часть первая

О ПРИРОДЕ ВОЙНЫ

Глава I

Война и христианская мораль

Шестая заповедь гласит: «Не убий».

На этой заповеди и на превратном толковании Евангелия основывают свое учение «непротивления злу» толстовцы, пацифисты «во что бы то ни стало» и некоторые секты, напр., духоворы, менониты, молокане. Последователи всех этих учений своей разлагающей пропагандой причиняют огромный вред государству, а своим отказом отбывать воинскую повинность создают большой соблазн.

Официальные представители нашей богословской науки сознали всю опасность подобного рода учений, частью являющихся софизмами, частью не заслуживающих даже названия софизмов, но, несмотря на свою духовную малоценность, сильно действующих. В катехизисах, сокращенных и более пространных, — в частности сокращенном «по митрополиту Филарету», на котором воспитывались целые поколения, — было поэтому сделано две оговорки при истолковании Шестой заповеди, а именно — дозволяется казнить преступника и убивать неприятеля на войне.

Оговорки эти даются, однако, в виде аксиом — без доказательств из Священного Писания (в частности в катехизисе «по Филарету», наиболее как раз распространенном). А это дает повод «непротивленцам» утверждать, что вставлены они лишь из угождения к «властям предержащим». Сказано — «не убий», значит, не убивай. Всякого рода «казенные» оговорки бесильны смягчить категоричность этого отрицания.

В подобной официальной трактовке, слишком руководящейся «мирскими» соображениями (безопасность общества, государственная необходимость и т. п.) и заключается уязви-

мое место. А между тем все эти сектантские и иные кривотолки сами собою отпадут, если в борьбе с ними наши богословские авторитеты останутся на чисто духовной почве.

Для этого стоит лишь предложить толкователям Шестой заповеди «вне времени и пространства» рассмотреть акт Синайского Законодательства в свете исторических событий Ветхого Завета.

Законодательство это преподано было Иеговою Своему избранному народу — народу еврейскому, — отнюдь не всему человечеству. Первые четыре заповеди определяют отношения еврея к Богу своих отцов — последние шесть определяют отношение еврея к еврею. Шестая заповедь запрещает еврею убивать еврея, как Восьмая запрещает еврею красть у еврея, а Девятая запрещает еврею лжесвидетельствовать на еврея. Шестая заповедь и приобретает в этих условиях свой подлинный смысл.

В то время избранный народ шел походом на землю Ханаанскую. Весь он являл собою как бы армию — и Десять Заповедей явились первым в истории дисциплинарным уставом. Сильные этими заповедями, сыны Израиля завоевали Обетованную землю и утвердились в ней, беспощадно истребив иноплеменников, на которых действие Шестой заповеди не распространялось.

Судия Гедеон поразил Мадиянитян. Самсон вразумлял Филистимлян не словами, а совершенно другим аргументом. Псалмопевец поразил Голиафа, братья Маккавеи восстали на сирийских угнетателей... Если Шестая заповедь распространялась и на иноплеменников, то все эти праведники, преступив ее, тем самым, очевидно, сделались бы грешниками. Но они остались праведниками — и Божья благодать почилла на всех них.

* * *

Христос, уча о любви к ближнему и всепрощении, дал понять Своим ученикам, что много крови будет еще пролито до осуществления Царства Божия.

«Не думайте, что Я пришел принести мир на землю — не мир пришел Я принести, но меч...» (Матф. X, 34). «Когда же услышите о войнах и смятениях — не ужасайтесь, ибо всему надлежит быть прежде» (Матф. XXIV, 6; Марк. XIII, 7; Лука XXI, 9).

В Евангелии мы находим два примера, относящиеся к проблеме военной службы. Когда к Иоанну Крестителю пришли

воины и спросили, что им надлежит делать? — он заповедал им «никого не обижать, не клеветать и довольствоваться своим жалованьем» (Лука VI, 14). Христос отнюдь не призывал воинов «перековать мечи в орала» и бросить военную службу как занятие, Богу неугодное. А на вопрос фарисеев, следует ли платить подати, ответил: «Кесарево — кесарю» (Матф. XXII, 21; Лука XX, 25). И разве отбытие воинской повинности — самого тяжелого из всех налогов — не является воздаянием кесарева Кесарю — царского Царю?

Ошибка «непротивленцев злу» состоит в том, что личным поучениям Христа они стремятся придать характер общественный.

Христос учил: «ударившему тебя по щеке подставь и другую, и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку» (Матф. V, 39—40; Лука VI, 29). Этим Он определил отношение человека к человеку. Сын Человеческий снес издевательства книжников и озверелой толпы. Ему стоило лишь захотеть, лишь подумать — огонь небесный испепелил бы и судий и палачей. Он этого не сделал, явив миру неизреченный подвиг кротости и милосердия.

Но Христос снес багряницу и терновый венец — как относившийся к Нему лично. Мы же знаем, что, узрев торгашей, оскверняющих святыню — Дом Отца Его, — Он свил бич из веревок — и выгнал их вон.

Изгнание торгующих из храма достаточно ясно указывает всю ересь ссылки «толстовцев» и иных на Христа, якобы проповедующего непротивление злу насилием. Мы не должны противиться злобствованиям ближнего, если эти злобствования относятся лично к нам. Но если этот ближний посягает на высшие ценности — наш долг воспротивиться ему.

В конце Тайной Вечери Христос дает предупреждение Своим ученикам: «И сказал им: когда Я посылал вас без мешка и без сумы, и без обуви, имели ли вы в сем недостаток? Они отвечали: ни в чем. Тогда Он сказал им: но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, а также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч... Они сказали: Господи! вот здесь два меча. Он сказал им: довольно» (Лука XXII, 35—37).

Один из этих двух мечей был в ту же ночь обнажен Петром. Христос велел ему вложить этот меч в ножны — «все взявшие меч мечом и погибнут» (Матф. XXVI, 52).

«Противоречие», усматриваемое некоторыми софистами из сопоставления этих двух текстов, исчезнет, если мы будем иметь в виду, что Петр ведь обнажил тогда меч не в защиту Учения, а в защиту Учителя. Христос не пожелал принять этой жертвы. Не Малх напал на Петра, а Петр первым мечом ударил Малха.

Христос отнюдь не сказал, что взявшие меч погибнут от проказы, или от землетрясения, или от огня небесного. Нет, взявшие меч погибнут именно от меча. Но для того, чтобы они погибли от меча, надо сразить мечом — прибегнуть к справедливой войне. Текст этот, который «непротивленцы» стремятся использовать в качестве одного из главных аргументов своей теории, при внимательном его рассмотрении, обращается таким образом против ереси.

Св. Сергей Радонежский благословил Димитрия Донского на брань с Мамаем. И два с половиной столетия спустя сергиевские иноки по примеру Осляби и Пересвета опоясали рясы мечами, а патриарх Гермоген призвал всю Русскую землю восстать на угнетателей.

Руководясь примером Христа и деяниями отцов церкви, мы должны отвергнуть лжеучение «непротивления злу насилием» как богопротивное, антицерковное и в конечном своем итоге — бесчеловечное.

Глава II

Понятие «справедливости» и цели войны

При обожествлении государства и нации единственным критерием суждения о степени справедливости данной войны есть степень выгоды ее для государства и нации. Если обнаживший меч считает войну единственным способом признания его законных прав, то ничем нельзя заставить его усомниться в справедливости его претензий. Манифест немецких ученых в августе 1914 года является в этом отношении характернейшим человеческим документом.

Первая — войны, веденные в защиту высших духовных ценностей, — войны безусловно справедливые. Все наши войны с Турцией и с Польшей в защиту угнетаемых единоверцев и единоплеменников, как и Гражданская война 1917—1922 гг. с белой стороны, относятся к этой категории.

Вторая — и наиболее распространенная — войны, веденные во имя интересов государства и нации. Общего правила, общего мерила для этой категории не существует. К каждому случаю в отдельности надо применять особую мерку — и в каждом случае оценка может быть лишь чисто субъективной.

Третий вид войны — это война, не отвечающая интересам и потребностям государства и нации и не отвечающая в то же время требованиям высшей справедливости. Войны этой категории относятся по большей части к типу бескорыстных авантюр, а лучше сказать, авантюр бессмысленных. Таково, например, участие России в коалиционных войнах в 1799 и 1807—1817 гг., поход в 1849 году на Венгрию, экспедиция французов в Мексику при Наполеоне III.

Войн первой и третьей категории — абсолютно справедливых и абсолютно несправедливых — незначительное сравнительно меньшинство. Больше всего сожжено пороху и пролито крови на войнах второй категории — войнах, имеющих характер государственный, национальный.

Общего мерила, как мы только что заметили, для этого рода не существует. Раньше чем анализировать каждый отдельный, нам надлежит применить синтез: сгруппировать все вообще войны между данными государствами вместе, проследить их взаимоотношения на протяжении веков. Идя таким образом против течения истории, мы рано или поздно доберемся до первопричины раздора, посмотрим в корень. И тогда определим, кто «взял меч» — следовательно, кто нарушил первоначальную гармонию между данными государствами и данными народами.

Отрешившись от всякого шовинизма — чувства, которое всякий любящий свою Родину должен как можно больше избегать, чтобы не навлекать на нее несчастий, — анализируем для примера справедливость русско-польских войн и русско-польских отношений вообще.

На заре истории этих двух славянских народов их отношения были добрососедскими. Первопричина раздора произошла в XIII веке, когда польские короли наложили свою руку на Червонную, а затем (Литва) и на Белую Русь. В польское государство был введен на положении несправедливой «райи» русский православный элемент — многострадальные «диссиденты». В многовековом русско-польском споре почин, таким образом, подали поляки. Люблинская уния, авантюра Сигизмунда III,

временный захват поляками Москвы — все это дальнейшие стадии поступательного притеснительного движения поляков.

Вслед затем русская государственность крепнет, польская клонится к упадку. И первый раздел Польши — в сущности, не раздел (польская государственность сохранилась), а просто дезаннексия — явился одним из справедливейших актов мировой истории. Было покончено с грехами четырех столетий, положен предел четырехсотлетним притеснениям.

Справедливость была таким образом восстановлена. Однако палку стали перегибать в другую сторону. Агония польской государственности конца XVIII века создавала у соседей Польши непреодолимые стремления поживиться тем, что «плохо лежит», — совершенно так же как паралич русской государственности XIII и XIV веков возбуждал аналогичные чувства и польских королей и литовских князей. Результатом явился окончательный раздел Польши — экзекуция над целым народом — и насильственное введение в организм России враждебного русской государственности польского элемента. Последствия не замедлили сказаться: польские восстания против русских, захвативших Варшаву, были столь же обоснованы и столь же справедливы, как русские восстания против поляков, захвативших Кремль. Линеицы Скржинецкого и косиньеры Сераковского находились совершенно в том же положении, что ратники Пожарского и казаки Хмельницкого.

Затем — упадок русской государственности, возрождение польской — и снова нездоровое желание взять «что плохо лежит». И в результате — Рижский мир и реаннексия «диссидентов»...

Мы видим таким образом, что в многовековой русско-польской распре первоначальная, так сказать органическая несправедливость, совершена поляками — что отнюдь не служит доказательством безупречности всех дальнейших поступков с русской стороны. Варшавская губерния в составе Российской империи такая же несправедливость, как волынские воеводства в составе Речи Посполитой. Был момент — два десятилетия (1772—1794) — восстановление нарушенной гармонии, но на нем не сумели и не захотели удержаться. Справедливость все время переходит из одного лагеря в другой — с очевидным перевесом в сторону России («первоначальный грех» совершен поляками).

То же самое мы можем проделать при изучении других «конкретных случаев» — например при столкновении русского племени с германским. Почин здесь исходит от свирепых меченосцев, огнем и мечом истреблявших славянские племена во имя торжества воинствующего германизма и оттягавших (несмотря на Невскую битву и Ледовое побоище) северные новгородские пятины. От Ледового побоища до Брест-Литовска — чрез Ливонские войны, Полтаву, Гангут, Бзуру и Сан — справедливость все время на русской стороне (за исключением эпизода Семилетней войны).

При изучении франко-германской распри отправной точкой следует считать 1806 год — Иену и Ауэрштедт, за которыми последовал Тильзитский мир — прототип «версальской диктовки». Трехвековая борьба Бурбонов с Габсбургами отнюдь не имела характера национального, тем паче расового. Почин в той распре принадлежит Пруссии, хотя здесь очень большую роль сыграла неумеренность Наполеона, и особенно утопия дикарей 1789 года. Эти последние выдвинули «национальный принцип» (сперва как противопоставление тиранам, затем как самодовлеющее целое). И нигде их семя не упало в столь благоприятную почву, как в Германии. Благодаря этим теориям немцы двадцати шести отдельных государств впервые осознали себя принадлежащими к единому целому, — и уже в 1813 году Фихте может держать «Речь к германской нации» — чего он не смог бы сделать за пятнадцать лет до того за отсутствием этой германской нации. Создание германской нации произошло в период с 1806 по 1813 год. В первой же трети XIX века была создана ее доктрина (Фихте, Гегелем и др.), совершенствовавшаяся затем целое столетие и приведшая к войнам 1870 и 1914 годов — войнам, где справедливость бесспорно была на стороне Франции (подделка Бисмарком «эмской депеши» в 1870 г. и ложь о «бомбардировании Нюрнберга» французскими летчиками в 1914 г.).

Ограничившись этими примерами, перейдем к рассмотрению целей войны.

* * *

Величайший варвар XIX столетия — Клаузевиц — выдвинул теорию «интегральной войны» — на уничтожение. Теория Клаузевица была претворена в жизнь виднейшим из его учеников — Лениным, — почему и все это учение мы будем назы-